

Судьба проложит колею

Василий Бочкарев — трагик и скоморох

Про таких, как народный артист России Василий Иванович Бочкарев, говорят, что Господь при рождении поцеловал его в темечко. Впрочем, таких, как он, — нет. Бочкарев — единственный. Уникальный, эксклюзивный, раритетный человек и актер. Или актер и человек? Нет, все-таки человек и актер. От перестановки мест слагаемых сумма, конечно, не меняется. Но меняются приоритеты. Вера в Бога пришла к нему много раньше, чем вера в Театр. Но давно уже они — вместе. Истинные, искренние, немереные.

Когда на сцене этот артист, в зале поселяется пронзительная, звенящая тишина. Ему внемлют. Его героям сочувствуют, сопереживают. Он соединяет зал и сцену в едином дыхании. В нем очевиден и силен гипнотический дар — неременный у подлинно больших мастеров.

Восемнадцатилетним Бочкарев сыграл свою первую роль — Крутицкого в пьесе Островского “Не было ни гроша, да вдруг алтын”: трагического, ерничающего, одержимого манией преследования и патологической страстью старика. По той роли уже можно было судить, что будущий артист Бочкарев окажется вне амплуа. Вернее — на все разом: комиком и трагиком, простаком и лириком, социальным героем и... Как мне уже доводилось писать — его уникальное амплуа носит имя собственное: “Василий Бочкарев”. Впрочем, сам он считает себя “романтическим простаком”. Сформулировано лихо этим книгочеем, интеллектуалом и умницей.

А потом было “Прощание в июне” — первая на московской сцене постановка Вампилова. Колесова репетировал Э.Виторган, а Бочкарев — Букина. Но Вампилов на генеральной репетиции потребовал, чтобы Колесова играл Бочкарев. Артист, чьи этические принципы безупречны, отказывался, поспорил с драматургом на коньяк, что играть не будет, но получил в ответ: “Нет, будешь!” Премьеру с Бочкаревым Вампилов уже не увидел погиб. А

коньяк артист купил, и они Сашу помянули.

После той роли, где он работал на нюансах, подробностях, мгновениях, где играл “в жанре жизни”, стало ясно: его игра — жанр, который возводится в ранг лицедейства. Правда и игра дополняют, провоцируют друг друга.

Старики Малого театра говорили, что роль сначала надо шептать. Пригласить персонаж. Поманить его к жизни. Бочкарев приманил, задрожал с собой многие прекрасные роли. Любимой стал Павел из первого варианта “Вассы Железновой”: убогий, желающий отомстить всему свету за свое уродство, жалкий кривляка, бессильный, ненавидящий, отчаянный, униженный и оскорбленный. Название из Достоевского. Но вот ведь судьба: Бочкарев сыграл Достоевского — по напряженности муки, страсти, отчаяния — в Гьорьком. Позже, в Малом театре, он сыграет Достоевского в царевиче Алексее из “Детоубийцы” Горенштейна, в царе Борисе из Толстого.

Судьба в Театре Станиславского складывалась замечательно удачно. Но Бочкарев оттуда ушел. В никуда. Протестуя против снятия Андрея Алексеевича Попова и его учеников. Собирались многие — поступок совершил он один. Это к вопросу о чести, порядочности и прекрасных, истинно мужских свойствах его характера. Несколько месяцев он был безработным. Но в 1979 году получил приглашение в Малый. На роль Бальзаминова. А следом сыграл Фому Гордеева. Его Бальзаминов был артистом. Сотворяя театр для себя и маменьки, он одаривал зал фейерверком лицедейства, авторского, простодушного и манкого. Но... Когда Бальзаминова играл замечательный русский актер Павел Васильев, современники писали, что его игра оставляла зрителей “под впечатлением прежалостной трагедии”. Бочкарев отважно соединил в роли простодушное актерство и “прежалоственную трагедию”. А в Фоме Гордеева сыграл не мелодраматическую

В. Бочкарев

историю о буyno загулявшем и нелепо погибшем купеческом сыне, а русского, купеческого фамлета.

Сегодня он играет царевича Алексея в пьесе Горенштейна: на острие характерности и на острие трагедии одновременно. Играет заполошную любовную страсть и свальный грех доносивательства, потный, холодный, не страх даже, а ужас — и отчаянное до слез покаяние. Играет мощно и точно.

Получив роль Годунова в “Царе Борисе”, артист поехал в Загорск просить прощение у Бориса Федоровича за то, что использует его имя в вымысле. Потому что не верит в убийство. Но пьеса диктует иной сюжет. И артист играет великого страдальца, чью душу распахивает наотмашь. А еще среди любимых его ролей на сцене Малого был Доброхотов-Майков из “Пира победителей” по Солженищину. Спектакля, в котором слышалась переключка с “Днями Турбинных” — в самой ауре представления, в стиле игры, в теме, в роскошной бравате гумилевских строк.

И был Расплюев в “Свадьбе Кречинского”, где все — гиперболы, все — преувеличение, и Расплюев Бочкарева, казалось, был больше Расплю-

евым, чем у автора: не просто лакеем, а лакеем вдохновенным.

И есть Огост Меркаде в драме “Делец” Бальзака. Впрочем, театр сократил пьесу до комедии. Но Бочкарев в стремительном действии уповает сыграть и то и другое. Он лицедействует, он увлечен сегодня игровым театром, возможностью подмигнуть из-под маски, смешать жанры и не скрывать, что все это — игра. Но в “Дельце” играет клонированного Фигаро, успевает тут, там, сям, загоняет себя и всех окружающих, бросается из одной крайности в другую.

А еще в его судьбе были фильмы, два из которых названы мистически по отношению к этому артисту: “Уникум” и “Скоморох”.

Он уникал, что в переводе с латинского — “редкий, единственный в своем роде, исключительный...” И он — скоморох. А точнее — клоун, у которого сквозит гримасу хохота видны всамделишные слезы. Божий клоун. Что испрашивает благословения на каждую роль.

Светлана
ОВЧИННИКОВА
Фото Л.НЕЛИНОВОЙ

руководителю — 2002 г. — 28 ноября — 4 ден. — 9 г.